

О литовскомъ имен. п. множ. ч. муж. р. причастій дѣйствительнаго залога.

Вмѣсто ожидаемыхъ нами **liekant(e)s* «*relinquentes*» = гр. *λείποντες*, **duosiant(e)s* «*daturi*» = скр. *dāsyantaḥ* и **mirus(e)s* «*mortui*» = прел. *мъръше* въ литовскомъ языкѣ, какъ извѣстно, находимъ формы *liekā*, *dúosiā* и *mìrē*, которыя формально ничѣмъ не отличаются отъ соответствующихъ формъ имен. и винит. п. единств. ч. среднего рода. Первоначальную форму имен. п. множ. ч. муж. р., можетъ быть, представляетъ собою слово *nórints*, встрѣчающееся въ оборотахъ вродѣ *tikraĩ kuom nórints nusimìņes* (Пушкинъ въ литовскомъ переводѣ, стр. 24) или *če yra koks norints žmogus* (*Basanavičius. Lietuv. pasakos* IV. III 5); сначала, вѣроятно, такое *nórints* было возможно только при подлежащемъ во множ. числѣ (наприм.: *eĩkite kur nórints!*). — Какъ, напр., старый имен. п. *ākmen(e)s* «камни» въ части говоровъ замѣненъ новообразованіемъ *ākmenys*, такъ и вмѣсто **liekant(e)s*, **duosiant(e)s* и **mirus(e)s* возникли легко понятныя новообразования *liekantys*, *duosiantys* и *mirusys*, сохранившіяся до сихъ поръ въ части говоровъ, см. *Bezenberger Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr.* 158 сл., *Geitler Lit. Stud.* 59 сл., *Joh. Schmidt KZ XXVI* 362, *Gaigalat Mitteil. d. lit. liter. Ges.* V 132, *Явнись Грамм. лит. яз.* 112, *Trautmann Die altr. Sprachdenkm.* 258 и др. Соответствующія имъ формы находимъ отчасти, по крайней мѣрѣ, также въ древне-прусскомъ и латышскомъ языкахъ. Изъ древне-прусскихъ текстовъ можно привести формы причастія прош. времени вродѣ *immusis* «*λαβόντες*»; а въ латышскомъ, вѣроятно, изъ

-tis (= лит. -tys) — а не изъ старого -tes — возникло восточнолит. диал. -ts въ формахъ вродѣ gribuets «ἐθέλωντες» и др. въ Сауссенскомъ говорѣ у Каулина ВВХIV 124, ieškuets и др. тамъ же 125 сл. > инфл. iszkut's «iturі» Zbiór Wiadom. XV 189, saukškuots «vocaturі» и др. въ Лаудонѣ и Берзонѣ (въ восточно-латышскомъ нарѣчїи литовскому -ys правильно соответствуетъ -s). И на то, что когда-то въ латышскомъ имѣлись также формы вродѣ *mirusis (= лит. mirusys), указываютъ, повидимому, восточнолатышскія формы вродѣ mirušš (посредствомъ -šš тутъ обозначено долгое -š), извѣстныя мнѣ изъ Мариенбурга (см. статью Бренца Rakstu krājums XVII 143), Корвенгофа, Бальтинова и Мариенгаузена: -ušš тутъ, вѣроятно, получилось путемъ ассимиляціи изъ -ušs < -ušis, а -ušis — путемъ контаминаціи старого -usis (= лит. -usys) и теперь господствующаго -ušī.

Какъ, наприм., ākmenys въ части литовскихъ говоромъ впоследствии замѣнено дальнѣйшимъ новообразованиемъ akmeniai, такъ въ части говоромъ, вѣроятно, также взаменъ формъ liekantys, duosiantys и mirusys сначала возникли новообразования *liekanti¹⁾, *duosianti и *mirusi съ -i изъ -ie, ср. теперешнія опредѣленныя формы liekantieji, duosiantieji и mirusieji и диалектическія формы žydinti (tie žydinti gražiausi kvietkeliai «тѣ цвѣтушіе прекрасныя цвѣточки» у Ф. Фортунатова и В. Миллера Лит. нар. пѣсни, стр. 482, № 78), праеинанти Lietuv. pasakos ув. III 89, radusi ibid. III 40 и Gaigalat l. e. Но эти образования на -i фонетически совпали съ соответствующими формами имен. п. единств. и двойств.²⁾ ч. женск. рода и, должно быть, поэтому (ср. J. Schmidt l. e.) были замѣнены теперешними формами liekā, duosiā и mirgē. Итакъ, прихожу къ заключенію, что, напр., liekā замѣнило собою форму *liekanti, между тѣмъ какъ J. Schmidt l. e. 364 полагаетъ, будто теперешнему liekā непосредственно предшествовало первоначальное *liekants (изъ *liekantes), ставшее неудобнымъ «вслѣдствіе сближенія въ произношеніи» съ nom. s. *liekants

1) Ср. др.-прусск. nom. pl. skellāntei «schuldig».

2) Примѣры имен. п. двойств. ч. женск. р.: likusi Lietuv. pasakos ув. II 149 и sukanti y Mielcke Anfangsgr. einer lit. Sprachl., стр. 139.

(откуда теперешнее liekaš); известно, однако, что въ пом. s. возникло -aš изъ -ants уже въ ту эпоху, когда конечное -es еще повсюду сохранялось, а поэтому не можетъ быть рѣчи о сближеніи въ произношеніи формъ имен. п. единств. и множ. ч.

Относительно происхожденія формъ имен. п. множ. ч. типа liekā, dúosiā и mīrē J. Schmidt l. c. 363 высказалъ мысль, что онѣ и по происхожденію тождественны съ соответствующими формами имен. п. единств. ч. средн. рода, полагая, что когда-то эти формы употреблялись въ значеніи имен. (и винит.) п. единств. и множ. ч., и ссылаясь при этомъ на ведійскія формы вродѣ nāma (или nāmā) «имя» и «имена». Впоследствии однако, въ Die Pluralbild. d. indog. Neutra 162 слл., J. Schmidt пришелъ къ заключенію, что лит. -ą въ упомянутыхъ формахъ получило въ единств. ч. изъ иде. -ont, во множ. же числѣ — изъ иде. -ōnt, ср. авест. пом., асс. pl. neutr. g. mīzdavañ «mit dem Lohn versehen». Последнее мнѣніе Юг. Шмидта призналъ *возможнымъ* и Бругманъ Grdr. II¹ 687, но лишь въ томъ случаѣ, если сокращеніе долготъ передъ тавтосиллабическими сонорными согласными произошло еще до отпаденія конечнаго -t; теперь же, въ Grdr. II² 2, 220, онъ говоритъ, что, наприм., лит. vežā «везушіе» по происхожденію — старая форма имен. п. *единств.* ч. средн. рода, при этомъ однако безъ всякой оговорки ссылаясь на указанныя работы Юг. Шмидта. Meillet же MSL XIX 191 цѣликомъ примыкаетъ ко взгляду Юг. Шмидта, будто литовскія формы пом. pl. на -ą восходятъ къ старымъ формамъ имен. п. *винит.* п. *множ.* ч. средн. рода, и будто ихъ -ą = авест. -aп. А между тѣмъ у насъ нѣтъ никакого основанія считать вышеупомянутое сокращеніе долготъ болѣе раннимъ явленіемъ, чѣмъ отпаденіе конечнаго -t. И если даже допустимъ, что -t отпало лишь послѣ этого сокращенія долготъ, то и въ этомъ случаѣ изъ иде. -ōnt въ литовскомъ, вѣроятно, получилось бы -ū (а не -ā), ср. сказанное мною IF XXXIII 121 слл., чего еще никто не опровергалъ; Meillet же съ этимъ вовсе не считался. Оставалось бы вернуться къ первоначальному взгляду Юг. Шмидта, согласно которому формы средняго рода на -ont въ индоевропейскомъ языкѣ употреблялись въ значеніи какъ единственнаго, такъ и множественнаго числа. Но тутъ мы наталкиваемся на другое затрудненіе: ни

въ одномъ индоевропейскомъ языкѣ не находимъ употребленія формъ средняго рода на (индоевр.) -ont въ значеніи и единственнаго и множественнаго ч., а именно поэтому, кажется, Юг. Шмидтъ впоследствии самъ отказался отъ своего первоначальнаго взгляда. Кроме того, если во время замѣны формъ муж. рода вродѣ *vežanti «везущіе» теперешними формами вродѣ vežã еще существовали соответствующія формы средняго рода *множ.* числа, то онѣ скорѣе всего оканчивались тогда уже на -antja (съ -a изъ -á) > -ančia, ср. прксл. *вѣзжшѣ*.

Какъ-бы въ подтвержденіе своего мнѣнія, будто литовскія формы вродѣ vežã «везущіе» по происхожденію — старыя формы средн. рода *множ.* числа, Юг. Шмидтъ и Мейе утверждаютъ, что въ литовскомъ языкѣ діалектически сохранились формы средн. рода *множ.* числа также отъ основъ на -o. Но даже если бы это соответствовало дѣйствительности, это еще не значило бы, что также формы вродѣ vežã «везущіе» представляютъ собою старыя формы средн. рода *множеств.* числа. Да и отъ основъ на -o не нахожу въ литовскомъ языкѣ *несомнѣнныхъ* формъ средн. рода *множеств.* числа. Юг. Шмидтъ, на котораго ссылается Мейе, указываетъ, что въ Litauische Volkslieder und Märchen Лескина и Бругмана на стр. 319 сл. и въ Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache Беценбергера на стр. 70 и 160 приведено нѣсколько случаевъ, гдѣ прилагательныя и особенно причастія, будучи сказуемымъ, оканчиваются на -(a), даже если подлежащимъ является форма имен. п. *множ. ч.* муж. или *женск.* рода. Примѣры: (у Лескина-Бругмана) dūrys pánčiu ūžsukta, o langaĩ péržegnota; marškinėliai. . . siūta; man ne mieła auksas, sidabras, . . . man mieła tėvas, močiūtė, broliai, sesutės; duris rādo ūžkišta; (у Беценбергера) ta gyva be-būdam numirusi esti; šviesybė ger buva; daryk bagot dušę mana; yra sakyt; mes būdam jo žmonėmis garbinkim poną; kaulai laužyt buva. Можно еще прибавить: nom. s. masc. g. žinodam, tardam, atspirdam у Беценбергера l. c. 79; tokiuo būdu ir aptikta jų mano kalėjimas (Rygiškių Jono Lietuvių kalbos sintaksė I 84); žymu buvę, kad. . . tankus. . . stogas viršūnėms suausta, ir nėtil («не только») . . . meškos ir šernai perėta, bet. . . ir žebriai turėta ibid. 82; dirbti, . . . žmogui sveika; alus gerti nesveika; šulinys kasti nelen-

gva; ropės graužti labai lengva ibid. 19; kaip man gēra po tėvelio sparneliu; kas tau negēra, kitam nedaryk; tēnai jū viskas gerai intaisyta; neger yra žmogui vienam būti; kad žinai, tai gēra ir sakyt; uogos sveika; man toks gyvenimas nebemiela; vilkui bėgus lab ir uodega; čia jū stogas stiegiamas; senū miškai mylėta...; mūsū... visos tos giesmės mokėta; darbas jo nemokėta dirbt; nusisukta sprandelis; ir jū laikoma arklys ibid. 28 сл. (объ употребленіи подобныхъ оборотовъ см. тамъ же 29 сл.); kitais metais šituo metu esti jau suvežta rugiai; tokiuo būdu buvo išigyta žibintuvas ibid. 30; toks arklys čia reta rasti ibid. 31. Подобнымъ же образомъ употребляются также формы средн. рода на -u; такъ, напримеръ: alus man gardu; didelė žuvis labai braugu; nelygu diena, nelygu metai; darbas darbui nelygu ibid. 28 сл.

Итакъ, на какомъ же основаніи Мейе считаетъ формы вроде ūžsukta и būdam за имен. п. *множеств.* ч. средн. рода? Правдоподобнымъ это могло бы казаться лишь въ томъ случаѣ, если бы эти формы относились всегда или, по крайней мѣрѣ, первоначально только къ формамъ имен. п. множ. ч. на -ai, если бы эти формы на -ai по происхожденію были образованіями средняго рода, и если бы имѣлось основаніе думать, что -a въ ūžsukta и др. сокращено изъ -ā. Въ дѣйствительности же, какъ показываютъ выше приведенные примѣры, формы на -(a) могутъ относиться къ словамъ любого рода и любого числа; и нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя бы указывали, что первоначально эти формы на -(a) согласовались только съ существительными множ. числа на -ai. А о томъ, что у насъ нѣтъ достаточнаго основанія считать слова вроде лит. dievaĩ «боги» старыми формами средняго рода, см. Изв. XXI 2, 295 слл., гдѣ указана и предшествующая литература по данному вопросу. Что же касается внѣшняго вида интересующихъ насъ формъ, то къ сожалѣнію въ большинствѣ случаевъ ихъ удареніе не обозначено; но формы вроде gēga повидимому представляютъ собою образованія средняго рода *единств.*, а не множ. числа: старая форма *множеств.* числа средн. рода отъ gēgas по всей вѣроятности имѣла видъ *gerā > *gerà, ср. также литовскую грамматику Явниса (русск. перев.) 116 сл. И также отпаденіе конечнаго -a въ būdam, bagot, sakyt, laužyt и др. говоритъ въ пользу того,

что это -а получилось изъ иде. -od, а не изъ -ā; во всякомъ случаѣ gér (въ грамматикѣ Куршата § 1341), какъ показывается его интонація, восходитъ къ прабалт. *gèra[d], а не *gerá. Что Мейе вовсе не считается съ этими обстоятельствами и безъ всякой оговорки выдаетъ разсматриваемыя нами образования за формы средн. рода *множеств.* числа, этого я не могу не назвать немножко страннымъ отношеніемъ къ дѣлу.

Также синтаксическое толкованіе выше приведенныхъ оборотовъ легче, если считать ùžsukta, mieła и др. за формы средн. рода *единств.* числа. Обороты вродѣ man mieła tēvas или lab ir uodega напоминаютъ фразы вродѣ лат. triste lupus stabulis или varium et mūtābile semper fēmina, греч. οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη, древне-р. туча . . . ровъ *унигло* у Потебни Изъ записокъ по русск. грамм. III 441, стало . . . великій *гладъ* ibid., *потомуло люди и скоты* и др. ibid. 442 сл., *ходъ былъ конемъ нужно* и др. ibid. 456 сл., *намъ тѣ вѣсти въдомо* и др. 458, *Клемянтю приказано было у него кони и конохи* и др. 459 сл., *отдано явочная челобитная* и др. 461, р. грѣхъ сладко, а человекъ падко и др., ср. Delbrück Grdr. V § 110. Также sakyt (въ оборотѣ yra sakyt «dictum est») и intaisyta (viskas gerai intaisyta) по значенію скорѣе формы *единств.* числа. Что же касается оборотовъ вродѣ dūrys . . . ùžsukta или nusisukta sprandelis, то можно бы въ видѣ параллели указать на гр. φωνὴ ἀκουστὸν ἔσται (Septuaginta, Исаія XVIII 3). Но тутъ возможно, пожалуй, и другое объясненіе. Какъ извѣстно, въ славянскихъ языкахъ и особенно въ польскомъ послѣ формъ страдательнаго залога возможно дополненіе въ винит. падежѣ (см. Vondrak Vergl. Slav. Gramm. II 263 сл.), ср. напр. польск. czytano książkę и др. (малорусскія и бѣлорусскія параллели у Потебни I. с. III 432 и 435 сл.). Итакъ, не исключена возможность, что нѣкогда и въ литовскомъ языкѣ имѣлись — можетъ быть, благодаря польскому влиянію — подобные обороты, ср. liauzgia, kaip katinas, uodegą laužomas въ вышеупомянутой Liet. kalb. sintaksė 74, žmogus galą daromas ibid. 41, и въ оборотѣ duris rādo ùžkišta слово duris первоначально, по крайней мѣрѣ, могло быть дополненіемъ формы ùžkišta. Сочетаніе же dūrys . . . ùžsukta, можетъ быть, возникло путемъ контаминаціи оборотовъ dūrys ùžsuktos и *du-

ris ūžsukta; ср. также слѣдующіе обороты съ именит. п. вмѣсто винит. п.: metas jau bus ir rugiai p̄jauti l. с. 19; reikės pradēt šienas p̄jauti l. с. 20; nėra kas raša или rašo «non est quod scribatur» и др. IF XXXIII 125, jám nebebūs kàs (вмѣсто *kà «quod») ėda Лит. хрест. 369,31 и др. Какъ въ послѣднемъ оборотѣ kàs замѣнило собою старую форму средн. рода *kà (въ значеніи винит. п.), такъ, можетъ быть, также въ оборотѣ buvo įsigyta žibintuvas—если žibintuva—старая основа средн. рода— žibintuvas замѣнило собою старую форму (винит. или имен. п.) средн. рода *žibintuva.

О формахъ же на -dam (вмѣсто -dam(a)s въ nom. s. masc. g., -dama въ nom. s. fem. g. и -dami въ nom. pl. masc. g.) трудно мнѣ опредѣленно высказаться. Онѣ извѣстны мнѣ только по примѣрамъ, приведеннымъ у Беценбергера l. с. изъ старыхъ текстовъ (почти исключительно изъ «Kniga Nobaznistes» 1653 г., неизмѣющейся тутъ въ моемъ распоряженіи, такъ что не могу подвергнуть ея филологической критикѣ). Тутъ, во-первыхъ, надо считаться съ тѣмъ, что въ старолитовскихъ текстахъ попадаются явныя опіеки или опечатки, ср. наприм. por (вм. porì) «хочешь» у Беценбергера l. с. 350, wienos dieno (вм. dienos) eghima l. с. 80, nom. s. schirdi ibid. (вм. schirdis), nom. s. karalist l. с. 70, nom. s. wienib ibid. — Если же формы на -dam не ошибочны, то, пожалуй, не исключена возможность, что это — неизмѣняемая «дѣепричастія», возникшія по образцу неизмѣняемыхъ формъ причастій на -nt и -us, ср. наприм. tada kėlus Maria . . . nuėjo и др. у Беценбергера l. с. 70. И подобныя неизмѣняемыя формы на -dam встрѣчаются также въ части латышскихъ говоровъ; такъ, наприм., nāk miedzinc līgudam (вм. l-dams) Rakstu krājums XIII 98 изъ Руенскаго говора, ravedam ir labak ibid., lec, Jānit, kur lēkdam! ibid. 92 изъ Пернигельскаго говора, Jānič jāj viš gād, . . . ribej zēm atjādam, skanej pieš nuolēkdam¹⁾ (изъ народной пѣсни на Анценскомъ говорѣ). Но такія формы мнѣ извѣстны только²⁾ изъ тѣхъ латышскихъ го-

1) Относительно конструкціи ср. лит. beguvėdami ilga česa, klause patì и др. въ Lit. Volksl. u. Märch. Лескина и Бругмана 324 и лтш. mājā braukdami, kučieris taisījies... LP VI 594.

2) Исключеніемъ является оборотъ lec, Jānit, kur lēkdam изъ народной пѣсни, записанной мною въ среднелатышскомъ Зербигальскомъ приходѣ.

воровъ, гдѣ сохраняющіеся въ среднелатышскомъ нарѣчій конечные гласные утрачены; значить, въ тѣхъ говорахъ -dam могло правильно возникнуть изъ -dama въ nom. s. fem. g. и -dami въ nom. pl. masc. g. и затѣмъ быть обобщено подобно русскимъ формамъ причастій на -е (nom. pl. masc. g.) или -и (у Соболевскаго «Лекціи по исторіи русск. языка» 225 сл.) и вытѣснить форму nom. s. masc. g. на -dams (форма же nom. pl. fem. g. на -damas тамъ вышла изъ употребленія благодаря свойственной тѣмъ говорамъ замѣнѣ формъ женск. рода формами муж. рода, о чемъ см. Rakstu krājums XIII 84 сл. и 98, Bezenberger Lett. Dial.-Stud. 140 слл. и Мюленбахъ Изв. VIII 1, 13 слл.). Обобщенію неизмѣняемой формы на -dam могло содѣйствовать употребляемое тамъ дѣепричастіе на -am (ср. mājā braucam, kučieris redzēja и др. у Мюленбаха Latweeschu gramatika стр. 157; вмѣсто braucam въ этой фразѣ въ тѣхъ говорахъ возможно также braukdam!). Итакъ, есть основаніе думать, что формы на -dam въ латышскомъ языкѣ получились инымъ путемъ, чѣмъ въ литовскомъ, и что это едва ли старыя формы средняго рода. А если бы онѣ дѣйствительно восходили къ формамъ средняго рода, то отпаденіе конечнаго -а говорило бы въ пользу того, что это формы *единств.* (а не множеств.) числа.

Въ литовскомъ языкѣ, значить, я не нахожу несомнѣнныхъ формъ средн. рода *множеств.* числа. Скорѣе таковыми можно считать латышскія (инфлянтскія) формы причастій на -ama (употребляемыя въ косвенной рѣчи): tagad vyss asama «теперь, молю, все имѣется» Zbiór wiadom. XVIII 297; zam lobuos asama zaŭta spraŭva 331 «подъ правой (мышкой), молю, имѣется золотое перо»; byuškaama (scil. gradzyns) šuos meitai 344 «(кольцо) будетъ, молю, для ея дочери»; byuškaama vyss tys 354 «будетъ, молю, все это»; varama 479 «можно, дескать»; jis atsoka: šam tuo vajagama 341 «respondet: sibi id opus esse»; vaira te nabideiškaama 372 «больше, молю, тутъ не будутъ страшить». Сохраненіе конечнаго -а въ asama и др. понятно лишь въ томъ случаѣ, если это -а восходитъ къ -ā. Такое же -а находимъ еще въ слѣдующихъ восточнолатышскихъ нарѣчійхъ: piŕma (= лит. piŕmà) «прежде» въ Rakstu krājums XVII 145 (> инфл. puŕma въ Дагдѣ), ūtra въ оборотахъ ūtra tik daudz l. e. и инфл. ūtra cik vairuok «drugie tyle» Zbiór

wiadam. XVIII 329 (ср. uõtru tiek у Биленштейна Lett. Spr. II 282 и лит. aňtrą tiek), oplama «невѣрно» Rakstu krājums XVII 145, krīviska runuot «по-русски говорить» ibid. И значеніе этихъ формъ на -a говорить скорѣе въ пользу того, что это — формы средн. рода множ. числа (а не женск. рода единств. ч.). Формами же женск. рода единств. числа, вѣроятно, слѣдуетъ считать инфл. vusa «все» Zbiõr wiadom. XVIII 245 и ðeigta «кончено» ibid. 261 въ концѣ сказокъ: тутъ именно легко подразумѣвается существительное (женск. рода) posoka «сказка». Восточнолтш. asama напоминаетъ лит. esama въ оборотахъ вродѣ visi abai norėjo ёsti, o ċia nieko nёsama, или taigi, mat, kur mes nukalbёjom: žvirbliо esama ne tiktai ne vagies, bet dar naudingo ir gudraus paukščio въ вышеупомянутой Liet. kalbos sintaksё I 84. Удареніе этого лит. esama тутъ, къ сожалѣнію, не обозначено, но изъ другихъ источниковъ извѣстны формы на -mà: vislāb kàs regimà «все, что видно», teip kalbamà «такъ говорятъ» въ грамматикѣ Куршата § 1340. Эти формы на -mà сами по себѣ могли бы считаться формами средн. рода множеств. числа, но вопросъ о происхожденіи ихъ осложняется тѣмъ, что на -mà оканчиваются также соответствующія формы женск. рода единств. числа, и нѣкоторыя несомнѣнныя формы женск. рода единств. числа въ литовскомъ языкѣ употребляются, какъ извѣстно, въ значеніи средн. рода; ср. наприм. šeñdien tiži eiti «сегодня сколько», чаи šviesi «уже свѣтло» l. c. § 1340, šeñdien šiltёsnё «сегодня теплѣе» ibid. § 1343, šeñdien lijus «сегодня шелъ дождь» ibid. § 1345. Вслѣдствіе этого едва ли поддается безспорному рѣшенію вопросъ о происхожденіи употребляемыхъ въ значеніи средн. рода формъ на -à.

Но, какъ я уже выше указалъ, вопросъ о происхожденіи этихъ формъ на -à не имѣетъ существеннаго значенія для рѣшенія вопроса о происхожденіи литовскихъ формъ множ. числа на -a и -e, и поэтому оставимъ его открытымъ, не желая сейчасъ еще больше отвлечься въ сторону. А изъ того, что выше уже сказано, вытекаетъ, что не только нѣтъ никакого основанія считать литовскія формы вродѣ liekā «оставляющіе» за образованія средн. рода *множеств.* числа, но что даже — съ формальной стороны — затруднительно считать ихъ таковыми. Мнѣ поэтому кажется, что это — старыя формы средн. рода *единств.* числа. Остается,

значитъ, еще выяснитъ по мѣрѣ возможности, какимъ путемъ формы средн. рода единств. числа могли получить значеніе муж. рода множеств. числа.

Рѣшеніе даннаго вопроса затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что не знаемъ, получили ли формы средн. рода единств. числа значеніе муж. рода множ. числа еще до или же послѣ утраты старой формы третьяго лица множ. числа въ спряженіи, и еще ли въ прабалтійскую эпоху или же послѣ распадена балтійскаго праязыка. Въ самомъ литовскомъ языкѣ, какъ выше указано, часть говоровъ вмѣсто этихъ новообразованій на -а и -ę еще сохраняеть болѣе древнія формы муж. рода на -ys и -i. Если, значитъ, формы вродѣ *lička* уже въ пралитовскую эпоху имѣли также значеніе муж. рода множ. числа, то такое расширеніе ихъ значенія, вѣроятно, не было свойственно всѣмъ говорамъ пралитовскаго языка. И выше мы уже видѣли, что также въ древне-прусскомъ и латышскомъ языкахъ имѣются формы, соответствующія литовскимъ формамъ на -ys. Употреблялись ли въ древне-прусскомъ также формы средн. рода единств. числа — хотя бы діалектически — въ значеніи муж. рода множ. числа, этого мы не знаемъ. Въ латышскомъ же языкѣ находимъ, по крайней мѣрѣ, форму *esu* (= лит. *esą*) въ значеніи имен. п. множ. ч. муж. рода (соответствующія формы отъ тематическихъ основъ совпали въ латышскомъ съ формой 1-го лица ед. числа наст. времени — послѣ измѣненія иде. -ont и -ō въ -u — и поэтому — будучи двуемысленными — могли выйти изъ употребленія; причастіе же *esu* отличается отъ формы 1-го лица ед. ч. наст. времени *esmu*). Такое *esu* въ значеніи муж. рода множ. числа находимъ въ грамматикѣ Адольфи на стр. 51, гдѣ читаемъ *v[iñi]* (*esu*) *esuoši bijuši* «dicuntur fuisse», на стр. 55, гдѣ читаемъ *v[iñi]* *esu* или *esuoši tapuši*, и на стр. 68, гдѣ читаемъ *viñi esu sargaiši* «dicuntur custodivisse», и также BW 4574 (изъ Дурбенскаго говора), гдѣ читаемъ *tev teic esu pieci dēli* «tibi quinque filii esse dicuntur». Надо однако отмѣтить, что это *esu* встрѣчается также въ значеніи единств. числа муж. и женск. рода, такъ Mag. X 3, 81 (изъ Блудена) и XIV 1, 155 (изъ Дубеналькена), LP VI 93 (изъ Витебской губ.) и 646 (изъ Ново-Аутца), у Мюленбоха Изв. IX 3, 263 (изъ Нидеръ-Бартау) и Беценберпера Über. d. Spr. d. preuss. Letten 15 сл. (изъ Оберъ-Бартау;

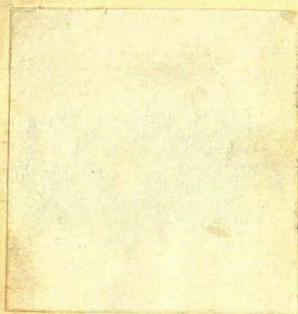
наприм. *uzgrasija, kuo tas lidz šim esu dzievīs l. c. 16* «спросила, что онъ до сихъ поръ дѣлалъ»; *meita, kas . . . esu atraidīsi ibid.* «дочь, которая-де отказывала»; въ значеніи единств. ч. *средн.* рода: *pie viņa nekā neesu darīt ibid. 17* «у него, моль, дѣлать нечего»). Если употребленіе этого *esu* также въ значеніи муж. и женск. рода единств. числа — недавняго происхожденія, то можно бы предположить, что во время исчезновенія специальныхъ формъ средняго рода сначала въ значеніи *средн.* рода употребляли безразлично и старое *esu* и форму муж. рода *esus*, благодаря чему форму *esu* могли потомъ употреблять также въ значеніи муж. и — за отсутствіемъ въ *esu* признаковъ грамматическаго рода — также женск. рода. На колебаніе въ употребленіи формъ *esu* и *esus* указываетъ также оборотъ *viņi (esuoši или) esus «dicuntur esse»* въ грамматикѣ Адольфи 51, если только это не ошибка. Если же согласованіе формы *esu* съ подлежащимъ муж. или женск. рода единств. числа — нѣчто старое, то можно бы съ нимъ сопоставить старолитовскіе обороты (у Беценбергера Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 228) *mes tikeiomies ghi ta essa, kuri Diewas muczitu; ghis netik ezista alba gera giwenima Diewo dowana esa; schitus szodzius kalbetus esa ape Kristu mokina Schwentas Powilas*, гдѣ *esa* относится къ винит. п. единств. или множеств. числа муж. рода; ср. вышеупомянутые обороты *man mieļa tėvas; uogos sveika* и др.

Итакъ, если бы употребленіе формъ причастій единств. ч. *средн.* рода также въ значеніи множ. ч. муж. рода восходило къ прабалтійской эпохѣ, то оно, вѣроятно, было свойственно не всѣмъ говорамъ прабалтійскаго языка, такъ какъ его, повидимому, знали далеко не всѣ пралитовскіе и пралатышскіе говоры; встрѣчалось ли оно также въ древне-прусскомъ языкѣ, остается неизвѣстнымъ. А поэтому оно, вѣроятно, является болѣе позднимъ явленіемъ, чѣмъ общебалтійская замѣна старой формы 3-го лица множ. ч. формой 3-го лица единств. ч.; старыя формы 3-го лица множ. числа уцѣлѣли, повидимому, только въ нѣкоторыхъ окаменѣлыхъ оборотахъ литовскихъ говоровъ, см. IF XXXIII 124 сл. А если это такъ, то мнѣ приходится отказаться отъ своего прежняго мнѣнія (см. Изв. XXI 2, 296 сл.), будто замѣна формы 3-го лица множ. ч. формой 3-го лица единств. ч. была обусловлена главнымъ образомъ совпаденіемъ

формы 3-го лица множ. ч. съ формой имен. п. множ. ч. муж. рода причастій дѣйств. залога. Эту замѣну могли вызвать: 1) искони возможное употребленіе 3-го лица единств. числа при нѣсколькихъ подлежащихъ, представляющихъ собою, хотя бы отчасти, формы единств. числа, о чемъ см. Delbrück Grdr. V 237 слл.; 2) искони возможные конструкции вродѣ лат. *amantium irae amoris integratio est.* и др. у Дельбрюка l. c. 239 сл.; 3) повидимому, очень древнее употребленіе формы 3-го лица единств. ч. отъ глагольнаго корня *es-* «быть» при подлежащемъ множ. числа, см. Delbrück l. c. 232 слл., гдѣ указано также на обороты вродѣ малорусск. там три плуги оре и ср.-врх.-н. *wol siben tūsent degne reit*; 4) искони общая форма условнаго склоненія для 3-го лица всѣхъ чиселъ, см. Zubatý IF Anz. XVI 56; и 5) возможное, пожалуй, также въ прабалтійскомъ употребленіе формы 3-го лица единств. ч. при подлежащемъ средн. рода множ. числа, см. Delbrück l. c. 230 слл. Еще понятнѣе было бы разсматриваемое нами явленіе, если бы былъ правъ Іог. Шмидтъ, полагавшій KZ XXV 595¹, что лит. *ugà* и лит. *iğ* «есть» восходятъ къ прабалтійскому существительному (значившему: существованіе). Въ дошедшихъ до насъ остаткахъ древне-прусскаго языка, правда, не находимъ соответствующей формы. Но изъ этого не слѣдуетъ, что въ этомъ языкѣ вообще не было такой формы, особенно если имѣть въ виду, что еще въ литовскомъ *ugà* по своему значенію отличается отъ *ėsti*, см. *Universitas ling. Lit.* 25 и лит. грамматику Явниса (въ русск. переводѣ) 180² и 194.

За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ причастія съ основой на *-nt* употребляются (атрибутивно) какъ бы въ значеніи прилагательныхъ, эти причастія въ балтійскихъ языкахъ являются главнымъ образомъ предикативно (въ косвенной рѣчи). А въ такомъ случаѣ обороты вродѣ лит. *žiūriu, žiūriu: devyni vilkai viena bite berjauna* (въ вышеупомянутой *Liet. kalbos sintaksė I* 84) совершенно однородны съ оборотами вродѣ *uogos sveika* и съ русскими оборотами типа «у него было три сына». Мнѣ поэтому кажется, что расширеніе значенія формы причастій средн. рода единств. числа сначала имѣло мѣсто только въ предикативномъ ея употребленіи, и что первоначально форма средн. рода единств. числа могла относиться къ подлежащему любого числа и любого рода. Выше

мною уже приведены обороты вроде *mes tikeiomies ghi ta essa*, гдѣ *essa* относится къ формѣ муж. рода единств. числа; и въ части литовскихъ говоровъ форма средн. рода единств. числа и теперь еще относится также къ формѣ *женск.* рода множ. числа. Особенно это слѣдуетъ сказать о причастіи прош. времени, см. Leskien-Brugman Lit. Volksl. und Märchen 307, литовскую грамматику Івниса (въ русск. переводѣ) 117, Лит. хрест. 65,33 (*iszwidę Pona wisos gimines žiames werks* изъ кейданскихъ богослужебныхъ книгъ 1653 г.), вышеупомянутую Liet. kalbos sintaksė I 30 (здѣсь же приводится также оборотъ *jos pačios nesišino, ką darą*; въ другихъ говорахъ тутъ было бы: *darančios*). Если же въ большинствѣ говоровъ специально вмѣсто формы муж. рода множ. числа стали употреблять исключительно форму средн. рода единств. числа, то это объясняется, какъ отмѣчено уже въ началѣ этой статьи, тѣмъ обстоятельствомъ, что вытѣсненная форма муж. рода совпадала съ формой женск. рода единств. и двойств. числа и поэтому была неудобна.

И. Эндзелинь.